

напряженную и эмоциональную атмосферу вокруг сдержанного мира Кристофера. Мальчик начинает бояться отца и отправляется в Лондон к матери. Поездка представляет для него колоссальный стресс и становится настоящим испытанием. В конце романа мальчик остается жить с матерью, он по-прежнему считает отца предателем и настороженно к нему относится. Детективный сюжет сдвигается в сферу репрезентации мировосприятия Кристофера сквозь призму аутизма.

Таким образом, в романе Марка Хэддона «Загадочное ночное убийство собаки» детективная матрица становится фоном для реконструкции межличностных отношений героев. Логически выверенная структура детективного романа подходит для воссоздания картины мира и мышления необычного ребенка, что дает возможность читателям рассмотреть ситуацию с разных сторон. Детективный сюжет позволяет писателю раскрыть сложный внутренний мир ребенка с синдромом Аспергера, показав его изнутри в процессе поисков героем себя и попыток понять окружающих.

Литература

1. Мережинская, А. Ю. Русский литературный постмодернизм: Художественная специфика. Динамика развития. Актуальные проблемы изучения / А. Ю. Мережинская. – Киев: Логос, 2004. – 234 с.

2. Haddon Mark The Curious Incident of the Dog in the Night-Time. – Vintage Contemporaries, 2004. – 226 p.

О переходе между нейтрально-вежливой формой и просторечием в процессе коммуникации на японском языке

*Пинчук А. Г., студ. V к. БГУ,
науч. рук. Овчинникова А. Н., канд. филол. наук, доцент*

Отличительной особенностью японского языка является сложная система вежливой речи, применяющаяся в ситуациях межличностного общения. В большинстве случаев начинающим изучение японского языка объясняют, что необходимо использовать нейтрально-вежливую форму (丁寧体) при взаимодействии с незнакомцами и всеми, кто выше по статусу. С равными по статусу собеседниками (одноклассники, хорошие знакомые, близкие) используется просторечие (普通体). Нами было установлено, что носители японского языка не всегда проводят разграничение этих двух стилей вышеописанным образом и зачастую комбинируют элементы этих двух стилей в пределах одной коммуникативной ситуации.

Приведем ниже пример учебного диалога [1, с. 138]:

A: すみません、駅はどこですか。	A: Извините, не подскажете, где находится станция?
B: 駅ですか。ええっと、この道をまっすぐ行って、橋を渡ってください。	B: Станция? Дайте подумать... Идите прямо по этой улице, затем перейдите мост.
A: まっすぐ行って、橋を渡る?	A: Иду прямо, мост переходить?
B: まっすぐ行って、橋を渡って、すぐですよ。	B: Прямо, через мост перейдете и сразу будет станция.
A: はい、わかりました。	A: Хорошо, понял(а) вас.

Очевидно, что преобладает нейтрально-вежливый стиль. Однако А, задавая уточняющий вопрос касательно объяснения маршрута, переходит в конце фразы на просторечие. В особенности у студентов, еще не имеющих достаточного опыта взаимодействия с носителями языка и должен возникнуть вопрос: почему здесь появляется просторечная (словарная) форма глагола 渡る? На наш взгляд, есть два объяснения. С одной стороны, такой переход может быть расценен как запрос на подтверждение информации, полученной ранее от В. В этот момент А как бы проговаривает мысли вслух; здесь он скорее ориентирован на самого себя, чем на собеседника. Похожая закономерность в использовании языковых средств наблюдается и у Хараки Мураками, когда он во время интервью [2] описывает свой процесс перевода книги с английского на японский. Здесь говорится о случаях, когда не понятен отрывок текста и переводчик решает работать дальше, с расчетом вернуться к нему позже: でも三日ぐらいそれをやっていると、なんとなくわかってくるんですね。そうか、なるほど、そういうことなのか、と。 (Но по прошествии нескольких дней смысл вдруг проясняется, вы согласны? Вот оно как, действительно, так вот что это было).

Данный пример также можно рассматривать как мысли вслух (*hitorigo-to*), припоминание мыслей и ощущений, которые появляются в подобных ситуациях. Это возвращает нас к определению направленности высказывания. Согласно таким исследователям, как М. Мэгуми и М. Сэйити [2, 3] основной фактор перехода на просторечие в процессе коммуникации, осуществляющейся в нейтрально-вежливом стиле, – это смещение ориентации высказывания с собеседника на самого говорящего, когда тема или предмет высказывания не связаны с собеседником напрямую (рефлексия, монологизация). Следует отметить и тот факт, что при добавлении финальных частиц ね, よ, よね (終助詞) в конце предложения такое высказывание становится обращенным к собеседнику, так как их смысл – это призыв к согласию, к подтверждению информации; поэтому здесь случается обратный переход на нейтрально-вежливую форму.

Однако при анализе таких коммуникативных ситуаций необходимо также учитывать контекст. Несомненно, коммуникация происходит на улице, оба собеседника спешат, в особенности В, которого останавливает А с просьбой о помощи. Здесь употребление сокращенных форм может объясняться попыткой сократить высказывание по времени, чтобы таким образом доставить меньше проблем В и не вызывать у него раздражение своей медлительностью. Поскольку в данной ситуации цель – получить необходимые инструкции в максимально короткий срок, вежливость инициатора коммуникации заключается, скорее, в быстрой передаче информации, нежели чем в сохранении лица слушающего и говорящего. Возможность дальнейшего общения незнакомых друг с другом ранее случайных прохожих А и В минимальна, поэтому большого вреда от использования «ликоугрожающих актов» также не предвидится. Таким образом, рассмотренное в статье явление – это еще один способ понять, почему такая коммуникативная ситуация возможна в японском языке с его «интуитивной» вежливостью («discernment politeness»).

Литература

1. まるごと日本のことばと文化初級 1 («Маругото. Японский язык и культура» Начальный уровень 1) A2. – TheJapanFoundation, Tokyo. – 2014.
2. 牧野誠—「ですます」が「である」に替わるとき / 誠— 牧野// 日本語を翻訳するということ 失われるもの、残るもの. (Сэйити Макино, «Когда *desumasu* переходит в *dearu*» из книги «Переводить японский: что остается и что теряется») – Chuokoron-shinsha, Tokyo. – 2018. – С. 105–117.
3. Maeri, M. The Switching Between *desu/masu* Form and Plain Form: From the Perspective of Turn Construction / M. Maeri // Japanese/Korean Linguistics – 2001. – Vol. 10 / Center for the Study of Language and Information; ed.: N. Akatsuka. – 1st ed. – Stanford. – С. 206.

О преодолении семантической амбивалентности греч. *φάρμακον* ‘снадобье, лекарство, яд’ в латыни и новых языках Европы

Писарук А. Д., аспирант БГУ,
науч. рук. проф. Мечковская Н. Б., докт. филол. наук, профессор

1. Семантические и морфемные дериваты основы *φάρμακ-* в древнегреческом языке. Греческая лексема *φάρμακον* ‘зелье, лекарство, яд’ дала начало большому гнезду производных обозначений, относящихся к ядам и лекарствам. Исследуемая лексема *φάρμακον* имела пять разных значений: